

Гагарин Анатолий Станиславович

**ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

В статье анализируются онтологическое, топологическое, феноменологическое, трансцендентное "измерения" экзистенции и основания экзистенциалов в их "конкретной" онтологии, гносеологии и аксиологии. В современной философской антропологии экзистенциалы человеческого бытия раскрывают содержание экзистенции, фиксируя фундаментальную проблему смысложизненных оснований и способов конкретного существования индивидов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/15.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 70-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Богатырев С. Ю. Системы оценки качества вузов и ППС // Социальная политика и социология. 2009. № 4. С. 179-185.
2. Васильева Е. Ю. Образовательная среда вуза как объект управления и оценки // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 4. С. 76-82.
3. Долган А. Г. Инновационная деятельность преподавателя в региональном вузе // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 10 (17). Ч. II. С. 59-60.
4. Ким И. Н. Формирование базовых составляющих профессиональной компетентности преподавателя в рамках ФГОС // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 16-24.
5. Корнеева А. А. Разработка и внедрение системы мотивации профессорско-преподавательского состава кафедр в Российском государственном социальном университете // Методология, теория и методика экономики образования. 2010. № 3. С. 88-97.
6. Ларионова М. А. Профессиональная мотивация преподавателя вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4 (43). С. 38-41.
7. Михалева О. А. О мотивации и стимулировании труда профессорско-преподавательского состава вузов // Человек и труд. 2009. № 1. С. 67-68.
8. Пономарева Е. Н. Инновационно-креативная компетентность в структуре профессиональной деятельности преподавателя // Высшее образование сегодня. 2010. № 2. С. 42-47.
9. Факторович А. А. Управление качеством педагогической деятельности преподавателя вуза в современных условиях // Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования. 2010. № 3. С. 1-72.
10. Филиппова Е. В. Социологический подход к анализу трудовой мотивации. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 1 (1). С. 262-263.

SPECIFICS OF THE SYSTEM TO MOTIVATE LABOUR ACTIVITY OF A HIGHER SCHOOL TEACHER

Vorob'eva Irina Nikolaevna, Ph. D. in Sociology
Cherepovets State University
vorobyova-i-n@yandex.ru

The article presents the results of studying the system to motivate labour activity of higher school teaching staff. The author provides a comparison of the motivation systems of teachers, public sector workers and economically active population on the whole with a view to identify the specifics of motivating labour activity of a higher school teacher. Comparing the priority rank of activity parameters and the rank of contentment with these parameters allows identifying the most relevant and urgent motives. The acquired regularities can serve as a basis for developing the efficient system to stimulate higher school teachers.

Key words and phrases: system to motivate labour activity; education; stimulation system; self-expression; self-realization; higher school.

УДК 101.1

Философские науки

В статье анализируются онтологическое, топологическое, феноменологическое, трансцендентное «измерения» экзистенции и основания экзистенциалов в их «конкретной» онтологии, гносеологии и аксиологии. В современной философской антропологии экзистенциалы человеческого бытия раскрывают содержание экзистенции, фиксируя фундаментальную проблему смысложизненных оснований и способов конкретного существования индивидов.

Ключевые слова и фразы: философская антропология; экзистенциальное; экзистенция; трансценденция; интенция; трансцендирование; феноменология; экзистенциалы человеческого бытия; одиночество; смерть; страх.

Гагарин Анатолий Станиславович, д. филос. н., доцент
Уральское отделение Российской академии наук
ra.nvarta@gmail.com

ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ[©]

Экзистенциальное, экзистенция, трансцендирование. В постнеклассической «философии бытия человека» экзистенциальное обозначает небеспристрастное мышление, которое осознает конечность человека и трагедию его существования. В описании экзистенциального, прорывающегося из повседневности в поисках «сущностного себя» в «себе обезличенном» и трагически-сложного преодоления «неподлинных» состояний бытия-в-мире (скуки, тоски, тошноты и др.), блекнут понятийно-категориальные подходы и субъект-объектные схемы, а детерминистские принципы преобразуются в предельно обостренные автономно-уникальные отношения: «Я и не-Я»,

«Я и другие», «Я и Бог», «Я и ничто». Экзистенциальное – это пространство, в котором разворачиваются все «измерения» экзистенции, и ее раскрытие есть процесс вероятностный, потенциальный, реализуемый при наличии воления человека. Отметим, что это – *феноменологическое пространство*, т.е. *феноменологическая топика*.

Экзистенциальная онтология является фундаментально-стержневой для природной, социальной и культурной ипостасей человека, присутствующих в повседневности его бытийствования. Именно поэтому экзистенциальное есть одновременно и основание, и поле для реализации уникальной, глубинной «изнанки» человека, которая выявляется в процессе раскрытия экзистенции, вероятностно-вариативной «внутри», испытывающей воздействие мира «извне» и при этом интенцированной к трансцендентному.

Экзистенция фиксирует устремленность человека к трансцендентности (полноте бытия). Это *существование человека именно как человека во всей проблематичности, трагичности собственного бытия*. Экзистенция представляет собой *неналичное, сущностно-несубстанциальное бытие каждого индивида как уникального существа в модусах возможностей*. Это реализация «проективности» судьбы человека, т.е. интимно-личностная вариативная *судьбинность*, потенциальное и актуализируемое существование.

Экзистенцию можно определить, во-первых, как непосредственное бытие, существование, интенцию к сущности (это *онтологическое измерение* или *экзистирование как онтологизация*); во-вторых, как бытие индивидов, осуществляемое в напряженном *о-пределении* границ, т.е. их удержании и пересечении (*топологическое измерение* или *экзистирование как топологизация*); в-третьих, как то, что постигается интуитивно в интенциональности (*феноменологическое измерение* или *экзистирование как феноменологизация*); в-четвертых, как устремление к трансценденции (*трансцендентное измерение* или *экзистирование как интенцирование к трансценденции*) [2, с. 12-20].

Фундаментальной характеристикой экзистенции выступает *трансцендирование*; оно предполагает интенцирование за пределы самого существования, устремленность экзистенции за ее границы к трансценденции как абсолютному бытию, которое постигается в экзистенциальном опыте.

Экзистенциалы человеческого бытия. Введение экзистенциалов в современную философскую антропологию позволяет осуществить теоретически-исследовательский и мировоззренческий переход от психологического к личностно-онтологическому «измерению» этих модусов конкретного бытия индивидов. *Экзистенциалы* – смысложизненные основания и способы человеческого существования. «Конкретная» онтология экзистенциалов проявляется как метафизика свободы, одиночества, смерти, страха, тоски, отчаяния, скуки, тошноты и т.д. Через «проживание» и «переживание» экзистенциалов осуществляется их *гносеология*, познание *Я*, постижение глубин феноменологической топики индивидов. *Аксиология* экзистенциалов, утверждающая как бы «помимо» экзистенциального бытия, проявляется в превозмогании человеком самого себя. Экзистенциалы – это способы существования человека, сущностные основания его бытия – ценностные узлы, квинтэссенции смыслов, целей, устремлений, которые задают параметры присутствия людей в мире.

Отличительная черта экзистенциалов – потенциальность парадоксального трагизма (абсурда и алогичности бытия). Поэтому средствами их описания обычно выступают параболы, метафоры, символы и др. Особенности экзистенциалов являются, во-первых, их *изначальная предикатность, некатегориальность*; во-вторых, их принципиальная *не-структурованность, не-иерархичность*; в-третьих, их сущностная *антиномичность*, со-присутствие взаимоисключающих, полюсно-напряженных («пограничных») ситуаций; в-четвертых, их *постоянная оппозиция объективистскому детерминизму* (все происходит и утверждается в потенциальности вопреки необходимости); в-пятых, их *про-живание* как проверка цельности *Я*, утверждение его права на существование; в-шестых, их напряженное, трагическое *самооткрытие аксиологического значения и измерения* (само экзистенциальное бытие не ценностно, но инициирует аксиологические усилия человека, т.е. бытие экзистенции, которое «проглядывает» в глубинном ценностном ядре личности).

Фундаментальные характеристики экзистенции раскрываются в процессе аналитики экзистенциалов, среди которых в современной философии и культуре важную роль играют экзистенциалы одиночества, смерти и страха.

Экзистенциал одиночества. В границах феноменологической топики одиночество выступает как проблема существования и разворачивания *Я*. Фундаментальный глубинный смысл одиночества проявляется через *цен-тризм*, т.е. поиски центра личности. Одиночество концентрирует смысложизненную проблематику в едином топосе (месте), т.е. в «центре-точке» *Я*, окруженном индивидуальными границами. В качестве условий своего проявления этот экзистенциал содержит *дистанцирование личности* (свободное уединение, закрепление и утверждение ее автономности) и *вынужденное одиночество*. В регистре интимного (т.е. интенцированного на самого себя) он позволяет через переживание постичь собственную само-данность, произвести самоидентификацию с аутентичным *Я*, выявить и организовать потенциальную и актуальную смыслодержательную (ценностную) самозаданность человека. Одиночество есть способ выявления сущностных характеристик *Я*, его самости.

Экзистенциал одиночества предстает и как итог внутренней самооценки человеком своих отношений с миром и людьми, и как осознание распада духовных и социальных связей, фиксирование ситуации «человек против людей и всего мира». В социальном срезе одиночества сплетены в тугой узел его внешние и внутренние причины – утрата, разрушение полноценных общественных связей, покинутость человека, социальный вакуум и психологическая пустота, заполняемая иллюзиями.

Онтологическое значение и необходимость одиночества как экзистенциала человеческого бытия состоит в «расчистке» феноменологической топики от неприемлемых явлений и предметов повседневности и фокусировке внимания на вещах, явлениях и процессах, приобретающих в ситуации уединенности иной, символический, конкретно-онтологически значимый и – главное – личностно-созидательный смысл.

Экзистенциал смерти. Основание экзистенциала смерти находится внутри сущностного бытийного конфликта – между осознанием неизбежности смерти и желанием продолжения жизни. Постигание и осмысление смерти как экзистенциала – сложная и парадоксальная философская задача.

Человеку не дано получить «настоящий» опыт смерти, хотя смерть и окружает его со всех сторон, напоминая о себе трагическими примерами, фактами и уходом близких людей. Конкретный индивид не может очутиться *по ту сторону* опыта смерти. «Эмпирия» смерти рассыпается, не успев начаться, в момент перехода от «теории» к «практике». Опыт смерти оказывается невозможен без самого субъекта такого «эксперимента» (хотя похожий опыт может быть вынесен и учтен из «пограничной ситуации» после клинической смерти). Смерть таинственна: отношения человека к этому экзистенциалу не могут быть выстроены как отношения субъекта и объекта, как «чистое» познание, как открытие отвлеченной от жизни истины, как активистская экспансия разума в сферу непознанного. Смерть, с одной стороны, вынесена в будущее, а с другой – присутствует «здесь и сейчас», воспринимается как угроза «оттуда», «извне», из иной топики, из другого, будущего времени.

Если рассуждать феноменолого-топологически, то смерть связана с утратой всего, что входит в орбиту границ человеческого – рода *homo sapiens*, прирученных существ, близких людей и, наконец, самого *Я*. Смерть, согласно этой логике, – это вторжение, экспансия, агрессия изначально *не-определенного и неопределимого*, того, что находится за пределами *Я* и одновременно проникает внутрь *Я*. Личность отвечает на эти вызовы интенцированием *вовне* и отраженно-сублимационно-деятельностно *внутри* себя самого.

Смерть как экзистенциал является средством самоидентификации, а также мотивации, мобилизации и актуализации внутренних потенций экзистирующего человека. Человек экзистенциально идентифицируется через смерть – изменчивое «зеркало бытия», в котором отражается и тут же дробится на осколки он сам. Теряя свое, близкое и интимное, люди обретают опыт постижения смерти, накапливая окрашенные трагическим теплом воспоминания об ушедших людях.

М. Хайдеггер описывает смерть как переходящую «границы всякой ограниченности», перекрывающую «вершины всякой завершенности», безысходности человека перед угрозой личного исчезновения «постоянно и по существу», а не только тогда, когда приходит время умирать: «Поскольку человек *есть*, он стоит в неотвратимости смерти» [4, с. 168]. Поэтому смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни. Смерть – «конец» *бытия-в-мире*. Это не нечто еще не наличное, не сходящая к минимуму последняя недостача, но, скорее, *предстояние*. Смерть есть возможность бытия, которую человек всякий раз должен взять на себя самого. Она есть конец пребывания в бытии индивида. Смерть, насколько она «есть», по существу «есть» всегда *моя*.

Смерть как экзистенциал включается в тотальный предел (витальный, чувственный, духовный), который требует личностного отношения, преодоления, творческого самосозидательного процесса. Она является «зеркалом», в которое глядится человек в стремлении к самоидентификации.

Экзистенциал страха. Страх – сущностный экзистенциал человеческого бытия, который концентрирует внимание на «возвратной интенции», обращенной не только «от *Я*», но и «к *Я*», со стороны неких сил, субъектов, сущностей, таящих угрозу целостности человека, сотрясающих основы его существования, разрывающих покровы повседневности (это, прежде всего, страх смерти).

Экзистенциал страха осуществляется как обязательное условие бытия, которое проявляется во внутреннем напряжении, возникающем при столкновении двух интенций: личностной – «от *Я*» – и иной, неличностной – «к *Я*». Этот процесс осуществляется двояким образом: во-первых, при *пассивном* отношении к миру как покорном приятии, непринципиальном непротивлении; во-вторых, при *активном* отношении к миру (противостоянии) как противоположности, антипода и условия мужества, мужественного аскетизма. Синтетическим вариантом этого отношения выступает опора на трансцендирующее «начало мудрости» (в христианстве это «Страх Божий»), т.е. начало открывающегося знания, познания «абсолютной» истины как процесс постижения истины Абсолюта.

Страх принципиально отличается от *боязни*, связанной с чем-то определенным, конкретным и в перспективе локализуемым. Он выступает как экзистенциал, содержащий в своей глубинной сущности беспочвенность и предметную неопределенность и представляющий собой выходящее наружу чувство *тревожности* как таковой [1, с. 91-92]. Страх лишает личное бытие возможности самопонимания «в формате» обыденного, «неподлинного» мира и соответствующих представлений. Страх отбрасывает личное бытие к тому, чего оно страшится, к его собственной способности-бытия-в-мире.

Экзистенциалы одиночества, смерти и страха существуют и проявляются в диалектической взаимосвязи. Тесно связаны между собой смерть, осознанная как своя конечность, и одиночество, осознанное как поиски своего центра личности. Осмысление смерти может происходить только в одиночестве, а пребывание в одиночестве приводит к мысли о смерти и очищает эти мысли от «неподлинного». Одинокая смерть – это всегда индивидуальная смерть.

Связь одиночества и страха – фундаментальная, онтологическая. Страх лежит в основании одиночества и является его конституирующим фактором. Он обнаруживается и «в *центре*» одиночества (в глубинах самости), и «по *краям*» одиночества, в момент активности *Я*, в ходе экспансии, продвижения «вовне». Страх – «внутри» *Я* и «вовне» *Я*, страх приходит «извне» в *Я* (т.е. в *мое* одиночество). Это страх быть одиноким, остаться совсем одному. Страх быть отвергнутым людьми толкает человека обратно в одиночество и не дает покинуть его пределы. С другой стороны, этот же страх побуждает искать и находить смысловые опоры одинокого бытия – с его постижением высших истин, с его психологически-компенсаторной, культурно-креативной, философско-универсалистской функциями. Одиночество выступает как защита, ценность,

основание и условие творчества, культуры и философии. По М. Хайдеггеру, смерть обращена к человеческому присутствию как одинокому. Безотносительность смерти уединяет «вот-бытие» человека в нем самом [3, с. 263]. Это одиночество есть экзистенциальный способ существования людей.

В результате страх смерти (одиноким и личным), лежащий в основании постижения собственной человеческой конечности, заставляет индивида преодолевать негацию коллапсирующего одиночества и «заселять» внутреннее пространство *Я* (феноменологическую топику) необходимыми двойниками, собеседниками, *Другими* (их следами-образами и иными «полномочными представителями»). Полное и абсолютное одиночество предполагает внутреннюю пустоту, «не-заселенность» собеседниками, двойниками, свидетелями божественного присутствия (посланниками).

Таким образом, в ходе анализа экзистенции философская антропология исследует отношение человека как самости к бытию (полноте бытия) и отношение бытия как «сущности сущего» (трансценденции) к самому человеку, тем самым открывая глубинные основания экзистенциалов – смылосодержательных и ценностнозначимых феноменов человеческого бытия.

Список литературы

1. **Больнов О. Ф.** Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
2. **Гагарин А. С.** Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От Античности до Нового времени. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 372 с.
3. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
4. **Хайдеггер М.** Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 301 с.

EXISTENCE AND EXISTENTIALS OF HUMAN LIFE IN MODERN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Gagarin Anatolii Stanislavovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
ra.nvarta@gmail.com

The article analyzes the ontological, topological, phenomenological, transcendental “aspects” of existence and existentials foundations in their “specific” ontology, gnoseology and axiology. In modern philosophical anthropology the existentials of human life discover the meaning of existence addressing the fundamental problem of essential foundations and the specific lifestyles of individuals.

Key words and phrases: philosophical anthropology; existential; existence; transcendence; intention; transcendentness; phenomenology; existentials of human life; loneliness; death; fear.

УДК 94(470.344)«03/16»; 94(470)«03/16»

Исторические науки и археология

В статье исследуются исторические связи предков чувашей с народами Крыма в IV-XVII веках. Автор впервые рассматривает участие предков чувашей – болгар и других огузо-тюркоязычных племен – во взаимоотношениях народов Крыма со времени их прибытия на полуостров в составе гуннской волны кочевников. Государственные образования, располагавшиеся в Крыму, играли существенную роль в истории чувашского народа и после того, как болгаро-саварские племена переселились с южных степей в Среднее Поволжье и образовали свое государство – Волжскую Болгарию.

Ключевые слова и фразы: история Крыма; огузо-тюркоязычные кочевники; Великая Болгария; Хазарский каганат; Волжская Болгария; чуваша в составе России.

Григорьев Валерий Сергеевич, д.и.н., профессор

Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева
v-gr1771@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРЕДКОВ ЧУВАШЕЙ С ЭТНИЧЕСКИМИ СООБЩЕСТВАМИ КРЫМА (IV-XVII ВВ.)[©]

Древние предки чувашей представляли собой огузо-тюркоязычные племена, образовавшиеся в начале I тыс. до н.э. в результате смешения прототюркского сообщества «культуры плиточных могил» с частью ираноязычных кочевников карасукской археологической культуры [8, с. 120]. Термин «огур» в чувашском языке означает «единый род, родоплеменное объединение» [от слова *ок(з)* – чув.: «*ййх*» и аффикса собирательной множественности *ур*]. Слово «огур» являлось этнонимом древнетюркского родоплеменного объединения, сложившегося в VIII-VII вв. до н.э. на просторах Центральной Азии, выделившегося из состава общетюркских предков (огузов) и общавшегося на ротацированно-тюркском языке болгаро-чувашского типа (в отличие от зетацированного стандартного «огузского» общетюркского языка) [8].